
Алина МИТРОФАНОВА

МОЛЧАНИЕ ПАУЛИНЫ

Повесть

— В детстве я почему-то думала, что Париж у нас в люстре расположен. Вот в той самой люстре в гостиной. Почему? До сих пор не могу понять свою детскую логику. Вот несколько Париж на люстре не похож. Я бы его сравнила с витриной с пирожными. Дома как огромные куски тортов... Ах, ах! А как я впервые туда поехала? Денег совсем не было, только на билеты. Я тогда не в одну кондитерскую не зашла, покупала яйца, варила их в хостеле да ела во всех этих красивых сквериках. И вином самым дешевым запивала! Ну куда ты отвернулась, я же тебя рисую!

Паулина сидит за столом, зажав плечом трубку старинного телефона с диском — позирует.

Трубка молчит. Зато Наталья Владимировна продолжает говорить:

— А в свадебное путешествие мы поехали в Грецию. Представь, я, когда замуж выходила, еще девочкой была. По нашим временам это нонсенс. Муж и не догадывался. Он мне очень быстро предложение сделал, совсем с ума сошел!.. Да, красиво у нас все начиналось.

Паулине было неинтересно, она слушала уже эти истории раз десять. Наталья Владимировна любит повторяться, особенно когда рисует.

У Паулины не было таких историй — ни Парижа, ни Греции, ни замужества. Было кое-что свое. Кому его расскажешь?

В окно тычется снег, подсматривает, что там по ту сторону стекла. А там комната, оборудованная под мастерскую. Внутренность дома, которому больше ста лет. И Наталья Владимировна за работой все рассказывает свою жизнь... А Паулина вспоминает свою.

* * *

В жизни ей дано было только имя. Странное, нездешнее имя — Паулина. Прихоть ее бестолковой матери. Последняя воля, так сказать. Паулина. Нет, нет, не Полина. Паулина, мама. Ее зовут Паулина! Мать чмокает бабушку, обнимает Паулину и скрывается за дверь. В комнате еще долго пахнет духами. А за дверью тaitся ночь, подслащенная южными травами.

Паулина даже не плачет, она ничего не понимает, только бабушка обнимает ее крепче прежнего и что-то бормочет себе под нос:

Алина Митрофанова родилась в г. Тихвине Ленинградской области в 1992 году. Окончила Санкт-Петербургский институт культуры по специальности «библиотекарь». Пишет стихи и прозу. Публиковалась в журналах «Балтика», «Нева», «Звезда», «Сибирские огни», «Аврора», «Урал». Автор двух книг стихотворений. Живет в Санкт-Петербурге.

Паулина! Как же! Вот выдумала!.. Полина, и довольно.

Исчезнувшая мать так и не появлялась. Паулина почти и не спрашивала о ней. Она мало знала ее. Она мало что знала вообще в свои три года.

А бабушка знала больше. Однажды она получила письмо, после которого долго рыдала, но так, чтоб внучка не видела. Она не сразу сказала внучке, что мать больше не вернется. Она решила вообще поменьше говорить. А внучку, так и быть, стала звать Паулиной.

Жили они в своем доме, в частном секторе. У бабушки был и огород, и цветы. Тем и другим занималась она с полной отдачей.

Дедушки у бабушки не было — умер давным-давно. Были только подруги, такие же бабушки.

Подруги приходили к ней, что-то говорили. Рассказывали про свои дела, про детей, внуков, цветы и огороды, а бабушка только кивала да подливала им своей наливки.

Сидели они обыкновенно на веранде. Из глубины дома доносились звуки телевизора. Но никто его не слушал. Только рассказы, рассказы и рассказы самых разных бабушек, бабушек и еще раз бабушек.

Иногда бабушки обращались к Паулине.

— Паулина — это Полина, что ли?

— Нет, Паулина — это Паулина, — отвечала за Паулину бабушка.

— Это из телевизора что-то? Из сериала?

— Не знаю. Так дочь решила...

— А... — грустно кивали подруги и переводили разговор на другую тему, тоже не всегда веселую. <...>

— Да, жизнь прожить — оно такое дело...

— Ой, хватит уже вспоминать! У меня вон сын женится! Мы тут долго ему костюм выбирали.

— Что это он у тебя жениться надумал? Невеста беременна, что ли?

— Ну что вы! Просто мой сын — вот такой. Знакомы уже года три с ней, пожили вместе. Чего бы теперь не жениться?

— Да уж, наверное, залетела невеста-то... Так просто кто теперь женится? Вот в наши-то времена...

— Ой, да, хорошие времена были...

— Помнишь, как из-за нашей Ленки драка была прямо перед ее свадьбой?

— Я помню...

— И я...

— А чем это так вкусно пахнет?

Но мир Паулины состоял не из одних бабушек. Была еще школа с одноклассниками.

С Паулиной все хотели дружить. Из-за имени. Все хотели иметь подружку по имени Паулина. Красивую подружку, почти принцессу. Только Паулина не была красивой. Она была обычной. Обычно одевалась, обычно выглядела.

А потому подружки быстро теряли к ней интерес. Обычно и разговор с ними не длился долго:

— Привет, девочка, как тебя зовут?

— Меня зовут Паулина!

— Паулина! Какое имя красивое!

— Мама так назвала.

— Давай дружить, Паулина!

— Давай!

И начиналась дружба, где Паулину только называли по имени и все.

Вот, например, со Светой так было. Со Светой, девочкой из хорошей семьи, как любила говорить бабушка. Жила Света в богатой квартире, с новой мебелью, пахнущей магазином. Паулине нравилось ощущать себя в этой квартире без грустных ковров с оленями, без выцветших фотообоев с видами моря. Уверенные стены пастельных тонов, картины. Люстра в форме лотоса. Гостиная! Тоже слово из какого-то другого мира. Да, Паулине понравилась эта квартира.

А Свете понравилась наряжать Паулину в свои платья. У Светы была своя комната. С домиком для Барби. С фортепиано. С большим шкафом, откуда выглядывали разноцветные платья.

Кто что наденет, распорядилась Света — Света же королева! А Паулина просто ее подружка-принцесса из дальнего королевства. Больше всего Паулине нравилось длинное, цвета морской волны. Но королева-Света обычно надевала его сама. А Паулину наряжала в черное бархатное платье с блестками. Паулине оно не так нравилось. Но она не говорила об этом Свете. Вдруг она обидится и больше не позовет ее в гости?

Только Паулина надевала платье, как вся преобразалась.

— Вот теперь ты похожа на Паулину! А то в чем ты ходишь?! — иногда вмешивалась Светина мама.

Паулина благодарно улыбалась и молчала.

— Покружись, Паулина! Покружись! — командовала Света порой.

И Паулина кружилась, пританцовывала. А Света напевала. Иногда она даже садилась за фортепиано и играла что-то красивое, карамельное, принцесское.

Паулине нравилось быть подружкой Светы. Подружкой-принцессой. Одной из свиты Светы.

А еще у Светы был брат Игорь. Жил он в своей комнате. Туда они заходили не каждый раз. Только когда Свете хотелось потанцевать или чтоб ее покружили. Игорь нехотя отвлекался от своих уроков. Его комната больше была похожа на кабинет ученого. Весь стол в бумажках, стопки книг, чертежи, беспорядок в вещах. Он был старше Светы лет на пять. Света ему всегда мешала. Но что делать — приходилось потакать сестре.

Умный, хорошо одетый Игорь казался Паулине очень приятным парнем. Настоящий принц. Принц-ученый. Она его так и звала про себя — принц Игорь. Слово «ученый» как-то отвалилось. Когда-нибудь потом, думая о своей первой любви, Паулина скажет сама себе, что это был принц Игорь.

Так она его и запомнила — за письменным столом с тысячью уроков. Со сгорбленной спиной — поводом постоянных замечаний от матери и копировавшей ее Светы. Но постоянно чем-то увлеченным.

Приходили они к Свете из школы, бросали на пол докучные портфели и наряжались. Пили сок из трубочек, ели пирожные. Смотрели фильмы про красивые платья, принцесс, королей и стародавние времена.

А потом у Светы появилась новая подружка Кира.

Она была старше их года на два, носила джинсы и, говорят, убегала курить на переменах. Кира любила петь. Фильмы про принцесс сменили передачи о жизни начинающих звезд. Платья в шкафу были забыты. Только Паулина иногда спрашивала, нельзя ли ей понаряжаться. Света и Кира смотрели на нее странно. Носи, что хочешь, Паулина, даже то самое платье цвета морской волны. Кому оно теперь нужно?

Одинокая Паулина бродила по большой квартире Светы, кружилась в одинокой гостиной, когда из Светиной комнаты доносились хиты из «Фабрики звезд».

Как-то раз ее и увидел принц Игорь. Был ли он в хорошем настроении, или мать и сестра научили его вести себя по-джентльменски, но он сказал Паулине:

— Юная леди, позвольте пригласить вас на танец?

Паулина зарделась и тихо промямлила:

— Да я не умею...

Принц Игорь улыбнулся великодушно:

— Это не трудно!

Он протянул ей руку и повальсировал с ней по комнате. Платье цвета морской волны поднималось при кружении. А ноги сами вставали на цыпочки, как бы желая совсем оторваться от земли.

Танец закончился. Игорь угостил Паулину пирожным, расспросил про ее успехи в школе и исчез, бросив напоследок:

— Моя сестра слушает дурацкую музыку...

Паулине снова зарделась. Она не знала, что ответить принцу Игорю.

А надо было всего лишь спросить, какая же музыка не дурацкая. Или согласиться, что да, конечно же, дурацкую музыку слушают его сестра, то ли дело раньше...

Но Паулина молчала. Все хорошие мысли приходили к ней глубоко позже, когда она заново прокручивала в голове понравившийся разговор.

А потом Игорь уехал учиться в другой город. Далеко-далеко на север. Без него в квартире Светы стало пустынно. Паулина перестала наряжаться. Тихо сидела на краешке дивана и смотрела с подругами передачи да клипы. На нее не обращали внимания. Паулина и Паулина. Сидит себе с краю и сидит. Ну и пускай!

Скоро и вся семья Светы уехала. В любимой квартире Паулины поселились совсем другие люди.

На прощание Света отдала Паулине свое платье. Паулина уже не влезала в него. Платье совсем разошлось по швам в области груди. Но иногда Паулина надевала его, включала передачи о звездах и кружилась.

Иногда эти кружения замечала бабушка. «Это еще что за самодеятельность!» — восклицала она и уходила на участок. К любимым цветам.

* * *

— Когда я вырасту, я стану самой-самой знаменитой. Попаду на «Фабрику звезд»! Вот увидишь! Меня уже все в городе знают. В музыкалку, правда, не хожу. Но это все оттого, что семья у меня... ну, небогатая. Пианино мне никогда не купят, и гитару тоже. А я все равно стану звездой! Мне вон с детства говорят, что я талантливая. У меня голос есть! В школе я раньше пела на утренниках... ну, пока хорошей девочкой была... Только в школе что петь — там никакого развития! Мне продюсер нужен или группа. Я иногда Грэгу подпеваю. Он, правда, в меня не верит. Ну... это потому, что Грэг. В кого он верит, кроме себя... Всегда смеется, когда я говорю, что со мной обязательно снимут клип и покажут по ТВ. Главное — мечтать! Вселенная нам поможет!.. А пока я со шляпой на набережной хожу, когда Грэг с группой играет. И подпеваю про себя тихонько...

Так откровенничала с Паулиной Кира. После того как Света уехала, они почему-то стали дружить. Не сразу. Где-то классе в девятом. Кира тогда училась в одиннадцатом.

Стояла себе Паулина на перемене в коридоре одна, невидимая для одноклассников. Стояла и уроки повторяла от нечего делать. А тут к ней Кира подходит:

— И чего мы грустим?

Паулина пожала плечами.

— А нечего грустить. Пошли к нам!

И повела Кира ее окольными тропами за школу.

— Так у меня ведь урок скоро!

— Подумаешь! Опоздаешь, соврешь что-нибудь.

Соврет? Да она и правду-то сказать не может. Какое там врать?

Но за Кирой она пошла. Благо перемена длинная.

На улице уже было тепло — апрель. Можно выходить без куртки.

Через дырку в школьном заборе выбрались они к гаражам. А там уже вся компания собралась. Андрюха с челкой, первокурсник, Настя Колобова, его девушка, десятиклассница. Еще два незнакомых пацана и собственно Грэг.

Грэг был из них старшим. Уже успел поучиться в двух вузах. Она внимательно посмотрела на него. Вот он какой! Высокий, лохматый, в рваной джинсовке. Лицо скуластое, взгляд бесцеремонный. Вечерами он выступал с группой на набережной.

Кира демонстративно поцеловала Грэга. Чтобы всем было ясно, кто здесь кто.

Паулина прижалась к стене и неловко улынулась.

— А это Паулина! — представила ее Кира.

— Какое имя! Вы вместе учитесь? — посыпались вопросы.

Грэг так посмотрел на Паулину, что ей стало совсем неловко.

— Она в девятом.

— Что ты за нее отвечаешь? Она что — немая?

Паулина рассмеялась. В кармане она нащупала мобильник, глянула на него и охнула:

— Ой, мне пора! Урок начинается.

И убежала.

А через пару дней вечером за ней зашла Кира.

— Ну что сидишь? Пошли?

— Куда?

— На набережную! Грэга слушать. Ребята сегодня играют!

На набережную!

Паулина до этого вечера как будто не знала, что в городе есть набережная. А ведь набережная была. И море было. И закат был.

На море она ездила только на дикое в детстве с бабушкой. А когда прогуливалась сама, и не понимала, что вот оно — море. Ну, было — и было рядом.

А сегодня вдруг она оказалась на море и в компании.

Кира со шляпой не давала покоя прохожим. Грэг и Андрюха с челкой играли на гитарах. Никита-барабанщик бил в одноименный инструмент. Сначала Паулине показалось здесь очень шумно, но вскоре она привыкла. Парни помахали ей в перерыве между песнями.

А Паулина прислонилась к покоцанным перилам и бессмысленно улыбалась.

Так побежала-помчалась совсем другая жизнь. Паулина стала опаздывать на уроки. Надвигалось лето. Вдарила жара.

За ней стал ухлестывать Никита-барабанщик.

Ну, как ухлестывать? Ухлестывал по-настоящему он только за барабанами. И за той девушкой, про которую постоянно говорил.

— Тогда у нас были старые убогие электронные барабаны, которых ни фи́га не слышно. А релать приходилось много. Ей это не нравилось. Она мне так и сказала: выби-рай — либо я, либо барабаны! Этот момент всегда наступает. Со всеми девушками. С девушкой до нее — та же история... Почему бы не принять то, что я каждый день часа по два занимаюсь? Неужели, кроме меня, больше нет никаких интересов?

Паулина слушала его задумчиво.

Зачем он ей все это рассказывает? Что он находит в ней? Идеального слушателя? Паулина не знала. Она была обычной долговязой девчонкой с растрепанными волосами.

А Никита был кудрявый и курносый и постоянно настукивал всевозможные ритмы.

Паулина знала о любви только по фильмам. То, что чувствовала она к Никите, на фильмы было не похоже. Кажется, она ничего не чувствовала. Просто странно. Как будто бы и незачем. А вроде бы и приятно. Приятно ходить вечерами по набережной не одной. Приятно, когда ее не одну встречают знакомые. Приятно, когда он держит ее за руку — дальше и не надо, кажется. Пару раз он приводил ее к себе в квартиру, когда один оставался. И там тоже не было ничего неприятного, просто глупо как-то все было, неудобно, не как в кино. И музыку он все время включал не ту. А какая музыка «та» — ее не спрашивал.

Бабушка устало поглядывала на внучку, когда та собиралась на вечерние гулянки:

— Смотри в подоле не принеси!

Паулина пожимала плечами и молчала. Какое — «в подоле»! Никита все время на репетициях. Впрочем, ее это только устраивало!

А у Киры с Грэггом разыгралась целая драма!

Кира застала Грэга с какой-то девицей в гараже, где они репетировали. Грэг даже оправдываться не пытался. Ну вот, подруга, ну вот так. Кира рыдала, переспала с половиной друзей Грэга и вскорости уехала в соседний город учиться в медицинский колледж.

— Эх, Паулина! Гиблый у нас городишко! Тут никто ничего не добьется. Я уезжаю! Далеко! Три часа на электричке! Там больше групп и больше возможностей. Ну, себя проявить, понимаешь? Да, поначалу буду учиться на медсестру. Ну, это я так, ради общаги только. И чтобы отсюда свалить. Грустно тут, понимаешь? Все напоминает это-го... А там найду себе группу... Да! Я теперь больше не буду ходить со шляпой. Теперь я только петь буду. Обязательно. Соседка говорит, что мне надо в музыкальное училище поступать, но это ж готовиться надо? Кто меня готовить будет? Да и продюсер мне нужен, а не образование. Главное — отсюда выбраться. А там как-нибудь все наладится... Ну и тебе отсюда надо выбираться! Только у тебя тут Никита... Как там у вас с Никитой, кстати? Мне кажется, он тоже отсюда свалить будет рад. Море морем, а настоящая жизнь не здесь... Надо себя преодолевать. Вот. Только так можно чего-то добиться. Когда-нибудь ты меня увидишь в клипе по ТВ.

Паулина обняла на прощание подругу и все. Исчезла Кира, как будто и не было.

Грэг стал появляться в компании других девушек. Ни с одной из них Паулина не разговаривала, только холодно кивала при встрече. Все-таки она подруга Киры.

Наступили каникулы. Лето повернуло на жару.

У Грэга надвигался концерт. Все в тусовке это обсуждали. Никита-Барабанщик совсем затерялся в своих репетициях. Репетировал он сразу с несколькими группами. А Паулина бродила по городу одна. Дойдет до какого-нибудь парка с книгой и сидит, мечтает, книгу не читает.

В одну из таких прогулок она и встретила Грэга. Тот шел куда-то с гитарой через плечо.

— Грэг? — она сама окликнула его. Как странно и неловко было обращаться к незнакомому человеку по имени, когда еще имя такое странное. То есть обычное имя, конечно. Но так все зовут, на англоязычный лад.

— Грустная Паулина! Неужели?

— Грустная? — переспросила она.

— Веселой тебя не назовешь...

— А какой назовешь? — вся она вспыхнула, заулыбалась.

— Задумчивой, загадочной, — он оценивающе посмотрел на нее. — И никто не знает, какая ты... Может, ты шпионка или инопланетянка? Изучаешь тут нас, а ночами передаешь инопланетным службам секретные данные.

Паулина так и вылупилась на него. Как интересно он говорит о ней!

— Пойдем! — Грэг коснулся ее плеча.

— А куда мы?

— Увидишь...

Они какое-то время молчали.

— Только имя у тебя для шпионки не самое удачное... Слишком яркое...

— Так захотела мама.

— С таким именем легко запомниться! А тебе ведь этого не надо... Да?

— Не знаю.

За дорогой она не следила. Знакомый город вдруг стал для нее каким-то незнакомым.

— Ну, расскажи чего-нибудь?

— Зачем? — она оборонялась.

— Всем же интересно узнать, кто ты такая.

— Кому всем?

— Мне, например, — разве этого мало?

Что рассказывать?

— В детстве я хотела платье цвета морской волны. Я бы и сейчас его носила, но выросла из него. Тогда у меня была подруга Света, у нее столько платьев было. У нее был брат, он потом уехал... И сама Света уехала...

— И все уехали? — помогал ей Грэг.

И она что-то говорила, и они шли все дальше и дальше, уже из города вышли. Потянулись рыночки, а за ними раскаленная дорога. Паулина мало знала окрестности. В какой-то момент она замолчала. Грэг тоже не говорил. Голову напекло, и больше всего на свете хотелось пить.

— В самое пекло попали! Скоро тенек будет...

В ближайшем киоске они купили воды и разом выпили по бутылке.

— Тут где-то парк есть заброшенный, там дом, развалины, говорят...

— Я туда и шел... Я там люблю песни новые писать.

В парке она сразу воспряла. Потрескавшаяся дорога плутала то вверх, то вниз. Нависали деревья.

— Тут еще до революции была усадьба, важные люди жили. А потом в революцию здесь белогвардейцев расстреливали.

Усадьбы уже и не было. Только два мутных пруда да развалины грота.

Паулина посмотрела на свое отражение в воде. Представила, как бы она здесь умирала и что бы думала. Вряд ли бы она была на стороне белых. Чисто из-за происхождения. А думала бы она... о бабушке, о маме? Тоже вряд ли. Наверняка о любимом... О каком любимом? Дальше фантазия ее не увлекла. Больше увлекал ее Грэг. Такой неожиданно красивый. Нет, он всегда ей казался красивым, но сейчас как будто больше, чем всегда — что изменилось?

— Присядем?

Грэг раздел свою гитару и расстелил чехол под деревом. Паулина села, прислонившись спиной к вековому стволу. Грэг был совсем близко. Он перебирал струны гитары, ничего толком не играя. Оба они молчали, смотрели сквозь прорези веток в душное июльское небо. В какой-то момент он взял ее руку, долго держал в своей, а потом отпустил. Они еще посидели, помолчали, встали и пошли.

Обратно ехали в маршрутке и продолжали молчать.

— Придешь на мой концерт? — сказал Грэг на прощание и исчез.

А до концерта была еще целая неделя. Странная, беспокойная неделя.

Паулина помогала бабушке по огороду. Тревожно следила, как распускаются розы. Ждала дождя и все не дожидалась.

На концерт она впервые нарядилась, надела платье покороче.

— Ишь какая! Смотри там... — привычно пробурчала бабушка.

Паулина в ответ промолчала, вышла из дома, села в маршрутку и поехала.

А на концерте ее ждало столпотворение. В маленький клуб набились все знакомые.

Вот промелькнул Никита. Помахал ей, чмокнул в губы, шепнул: «Какая ты сегодня не такая!» Паулина пожала плечами, отметив про себя, что целуется Никита совершенно неприятно.

Из гримерки выскочил Андрюха с челкой, поцеловал свою неразлучную Настю. Затем подвел ее, Паулину, к барной стойке и заказал ей сидр.

— От Грэга! — пояснил он. — Не скучайте тут! Скоро начнем.

При имени «Грэг» все внутри Паулины вдруг вспыхнуло. Как, наверное, в кино бывает. Неужели? Не успела она обдумать это, как захрохотала музыка.

Выскочил хозяин клуба. Заговорил что-то вроде: «Вы все ждали этого дня? Будет горячо!»

Паулина уже успела побывать на нескольких таких концертах и знала, что обычно говорят. Она отхлебнула из стакана. И отошла в сторонку. Все места за столами были заняты. Наполнялся людьми танцпол. Событие, однако, для их города.

И тут появились они. Внезапно другие, с идеальной кожей, прической, одеждой — как будто из телевизора. Зал радостно завопил.

Паулина снова отхлебнула. А сидр — ничего так напиток.

Никита забарабанил. Андрюха заиграл на гитаре. Грэг подошел к микрофону.

Пел он, конечно, не очень. Он был скорее артистом. Паулина это замечала и не замечала, жадно вслушиваясь в его голос. Слова она еле разбирала в остальном потоке звуков. Но мелодии, мелодии! Иногда мелодии были грустными, и в голове ее постоянно прокручивалась та прогулка за город. Прокручивалась то медленно, то быстрее. Доходила до момента, когда он брал ее за руку. И тормозила.

— Ну, Грэг задал жару! — однообразно перекикивались восторженные слушатели, расходясь.

Зал пустел. Паулина все не уходила. Настя Колобова пошла в гримерку. Пойти с ней? Паулина не решалась. Но там же еще и Никита... Еще начнет ее целовать при Грэге... Так она и сидела в зале, пытаясь различить голоса из гримерки.

— Паулина, ты тут? — выскочил Никита-барабанщик. — Мы идем к Грэгу сейчас отмечать! Ты с нами?

Шли они долго и шумно в новый район города. В белоснежные двенадцатиэтажки. Солнце уже село. Их обдало томительной южной темнотой.

Грэг шел впереди, болтал с Андрюхой. Никита что-то рассказывал Насте, временами поглядывая на Паулину, идет ли она за ними.

А она шла последней, как всегда ощущая свою отдельность.

Грэг жил на пятом этаже. В подъезде горел тусклый свет. Разрисованные стены. Среди прочих автографов встречалось «Грэг, ты лучший!», «Грэг, я люблю тебя», сердца, разбитые сердца, мат и многое-многое другое.

— Вот она, слава! — пояснил Андрюха эти записи Паулине, остановившейся рассмотреть.

— Это разве слава! — Грэг махнул рукой. — Это все так...

— Слава впереди! — уверил всех Андрюха.

— Слава впереди. Путешествия, заграница, концерты, поклонницы... Все впереди! Выпьем за это! — Грэг поднял рюмку.

Квартира у него была большая. Ему тут принадлежала одна комната, но сейчас его родители уехали, и он тут царил. Впрочем, его и в другое время не притесняли. О ту-совках у Грэга в городе ходили легенды...

Парни спорили о музыке, предрекали смерть попсе, вспоминали своих кумиров. Иногда в их спор вмешивалась Настя. А Паулина не знала, что сказать. Она выскользнула из комнаты на балкон.

Голоса спорщиков стихли, отдалились. Можно было смотреть вниз на подсвеченный фонарями двор, вдыхать сладкий вечерний воздух и думать о своем. Но что теперь было *ее*?

— Почти поймал! — Грэг подкрался незаметно.

— Кого?

— Тебя в контакте с инопланетянами. К тебе же сейчас они сюда прилетали? И ты передала им очередной отчет. Говорила, наверное: «А так себе тут, знаете, концерт был... У нас на альфе Центавра лучше...»

Паулина засмеялась.

— Хорошо у вас там на альфе Центавра?

Он подошел совсем близко и поцеловал ее долгим голодным поцелуем, а потом зашептал на ухо:

— Иди домой, Паулина. Сегодня здесь скучно, приходи завтра... Одна... Придешь?

— Приду, — тихо отозвалась она. А внутри стало горячо-горячо, радостно и покорно.

— И платье свое приноси, то, про которое ты рассказывала.

— Цвета морской волны?

— Да!

— Но я же в него не влезаю совсем.

— Не страшно...

А наутро послезавтрашнего дня она смотрелась здесь в зеркало в ванной и как бы впервые видела себя. Вот она — Паулина. Долговязая, волосы спутались, старое платье разорвано.

В комнате заскрипела кровать. Грэг проснулся. Вот он медленно встает, открывает дверь. Паулина отступает. Он подходит к раковине, умывается.

— Чаю?

Паулина кивает.

Они проходят на кухню. Садятся за стол. С балкона льется свет.

Замызганный чайник бесконечно долго закипает. Грэг молчит.

Так хочется к нему подойти, обнять, погладить по голове, по волосам этим взлохмаченным, но никак. Как будто этого нельзя! Весь вечер и всю ночь было можно, а сейчас — нельзя!

Можно только тихо сидеть и сиротливо поглядывать по сторонам.

Чайник вскипел. Грэг достал старое унылое печенье «Мария». Чай еще долго будет стечь в кружку. Выпить сейчас? Обжечь язык? Обожжет. Не страшно.

Солнце светит с балкона, разгоняя сумрак на кухне.

Грэг сидит напротив нее, покачивается на стуле. Думает о чем-то своем.

Посмотри же на меня, скажи мне что-нибудь обо мне.
Но он молчит. Он смотрит только в телефон.
И Паулина чувствует обиду.
Вот сейчас она встанет, уйдет и навсегда его забудет.

Встала, ушла и не забыла. Они еще встретятся несколько раз. Всегда он будет с какой-то компанией. Вечно занят, полон планов. В таком тумане проплывет десятый класс, начнется одиннадцатый.

А потом он уедет в большой город, куда-то туда, где погода холоднее, а жизнь значительнее. И затеряется там навеки.

* * *

А вот и сама она здесь потерялась. Паулина просыпается в полдень. За окном вечная зима.

Когда она приехала сюда, был конец лета. Сколько лет прошло? Приехала и застряла.
— И чего тебе дома не живется? — охала бабушка, когда Паулина собиралась в дорогу. — Как мать хочешь? Уехать и пропасть?

«Да я уже пропала», — думала Паулина.

Оставалось только уехать. В тот самый далекий город на севере. Куда все уезжали.

На второй неделе жизни здесь, как-то раз днем, после пар, она подъехала к одной частной школе и поджидала Андрея Евгеньевича.

Тот вышел из школы, весь элегантный, в длинном плаще, и поспешил по делам.

Паулина знала, что путь его лежит через арку. Опередив его шагов на сто, она скинула с себя куртку и встала у него на пути. В длинном красном платье.

— Паулина? Это вы? Что вы здесь делаете? — осторожный, вкрадчивый голос.

Паулина молчала. Ей было страшно неловко. Но без него ей было совсем невозможно.

— Паулина! Холодно! Наденьте куртку. Здесь вам не юг.

Он поднял куртку с асфальта и набросил на нее.

— Ну что с вами делать?

Потом взял ее за руку. Повел с собой. Снял первые попавшиеся апартаменты.

Раз на десятый таких встреч он взмолился:

— Паулина! Ну не могу я так больше! У меня семья!

А она все молчала, прижималась к нему сильнее и, казалось, совсем его не слышала.

Она уже поняла, что все любимые быстро становятся чужими. Только пока они с тобой, пока они в тебе, они — твои.

Андрея Евгеньевича она еще долго преследовала. Только когда он сменил работу, в Паулине наконец взыграла гордость.

Серые холодные улицы тянулись бесконечно. Недружелюбный ветер давал пощечины почище всякого кавалера. А Паулине предстояло здесь жить.

Училась она в колледже. В педагогическом. На историка. Бросила такой же колледж у себя дома. И приехала сюда. За Андреем Евгеньевичем.

— Дома ей не живется, понимаешь ли? — продолжала ворчать бабушка в ее голове. — У тебя же тут и мальчик есть! Что тебе надо?

А мальчика не было. С Никитой оно как-то само распалось, после истории с Грэгом. Без объяснений. Просто он стал для нее таким же чужим, как все. И не за кого уцепиться.

Только сидеть дома, следить, как бабушка возится то на огороде, то на кухне. И ничего не ждать.

Нового мальчика не появилось. Появился Андрей Евгеньевич.

Начиналось все благородно. Тогда он у них литературу преподавал. И однажды похвалил ее сочинение. Потом второе, третье. Потом она его встретила в городе. Потом снова. Потом ничего не было. Только лекции да семинары. На семинарах Паулина молчала. А в сочинениях внезапно становилась разговорчивой.

А в конце года Андрей Евгеньевич объявил, что уезжает.

«Куда?» — ужаснулась Паулина.

Да все туда же, в большой город, куда уехала и Света с принцем Игорем, куда поехал Грэг.

Жить без лекций Андрея Евгеньевича? Нет! Хватит с нее.

Паулина ушла из колледжа и уехала сама.

— Паулина, у вас такое редкое имя. Ваш отец, случайно, не богослов? — на первой случайной встрече спросил Андрей Евгеньевич.

Было это на набережной. Где-то ранней весной.

— Богослов? — Паулина удивленно пожала плечами и потупилась. — Я не знаю своего отца.

— Ах, простите! Не должен я был этого спрашивать.

Паулина посмотрела на него внимательно, как бы изучая.

— А почему он должен быть богословом?

— Меня всегда завораживало, когда послания апостола Павла называли «Христианством Паулины». Встретил это в ряде книг...

— Как будто вы сами богослов...

— Учился, да недоучился.

И, видя заинтересованный взгляд Паулины, продолжил:

— Вы же читали апостола Павла?

Паулина мотнула головой.

— Почитайте! Вы девушка думающая, вам понравится... Есть мнение, что именно апостол Павел создал теперешнее христианство. Его называли апостолом язычников... Эти его послания к коринфянам, к ефесянам, галатам... В послании к коринфянам есть знаменитые строки о любви. Вы наверняка их слышали...

Голос его стал торжественным, таким он всегда становился, когда Андрей Евгеньевич что-то вспоминал наизусть:

— Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего...

Паулина рассеянно улыбнулась.

Он замолчал.

— Удивительное у вас имя. Я даже думал, что родись у меня дочь, я ее так бы и назвал... Но у меня сын родился... Только зачем я это вам рассказываю?

Он вдруг сам этому рассмеялся и продолжил:

— Паулины еще орден католический был. И сестру Наполеона так звали...

Они смотрели на море. На прибавляющийся день. На расцветающий миндаль.

Тем же вечером она в Интернете нашла эти знаменитые слова о любви. И прочитала их много раз. Они стали ассоциироваться у нее именно с Андреем Евгеньевичем. Как будто до этого она и о любви ничего не знала.

* * *

Сколько лет она здесь? Пять-семь-десять? Сбилась со счета.

Андрей Евгеньевич занял из них только полгода.

Дальше можно было возвращаться домой. Но оттуда уезжали все, с кем Паулине хоть ненадолго случалось сблизиться.

Жила она теперь в общежитии с двумя соседками.

Соседка Елена училась на третьем курсе на том же факультете, что и она. Елена была набожна и постоянно ходила в церковь. Говорила мало, все больше пела всякие богослужебные распевы и в наушниках проповеди смотрела.

Говорить им друг с другом почти не приходилось.

Другая соседка, Нина, приехала совсем издалека, откуда-то из Сибири. Она блистательно училась, много работала и все успевала. С возмущением она поглядывала на Паулину, все время сидящую дома после того, как Андрей Евгеньевич исчез из ее жизни.

Учеба Паулине перестала казаться интересной. Ни один из преподавателей не говорил ей вкрадчивым голосом глубинных вещей. Паулина все искала, к кому бы ей прислушаться. Кто бы ей сказал что-то главное, после чего жизнь покажется понятной и красивой, как в кино. Но кинематографично в ее жизни только снег падал вплоть до самого мая, заметая все дороги назад.

На Пасху соседка Елена угостила Паулину куличом. И позвала с собой в храм — подняться на колокольню.

С высоты колокольни мир казался другим — спокойным, неизменным. Внизу, на земле, у прихожан просили подаяния голуби и нищие. И получали. Без нервов, без напряжения. Этого спокойствия захотелось и Паулине. Она стала ходить с Еленой в храм.

Первые полчаса на службе ей было хорошо. Небольшая жизнь прокручивалась перед глазами под церковное пение. Слов не различить. Только догадывайся, о чем это. Наверное, о том, что всех надо простить и отпустить. Паулина прощала, отпускала и не смотрела в телефон. Но на втором часу службы начинала скучать, перетаптываться с ноги на ногу. Тогда она глядела на Елену. Та улыбалась ей своей легкой улыбкой. И Паулине хорошо было от этой улыбки. И не хотелось расстраивать Елену, и она продолжала ходить с ней.

Соседка Нина иронично хмурилась, когда по утрам в воскресенье они спешили на службу.

Паулина смотрела, как молится Елена, как быстро ей становится хорошо и легко. Врожденная небесность! Она восхищалась подругой.

А холодный город меж тем оттаял, зазеленел. С Еленой и другими девушками они высаживали цветы у храма. Паулина вспоминала бабушку. Как там она? У них цветы уже давно растут. Время нарциссов и тюльпанов прошло, в горах маки на подходе, а здесь еще только первые листочки пробиваются.

— Больше всего люблю, когда отец Михаил проповеди читает, у него всегда интересные примеры из жизни! Как Господь помогает верующим людям! Удивительно!

— А мне нравятся проповеди отца Александра! Я их никогда не пропускаю!

— А в среду отец Владимир будет беседы с молодежью проводить! Надо пойти! Расскажет, как правильно семью создавать.

Паулина слушала разговоры и улыбалась. А поддержать разговор не могла. И снова она ощущала свою отдельность. Но ходить продолжала, потому что жить было

страшно и пусто. Потому что вокруг были одни бесприютные коридоры колледжа да выстуженные ветрами улицы прямого серого города.

Вот идет она по колледжу, окна раскрыты всюду. Холодно, сквозит. Студенты в телефоны устали, каждый в свой. Идет она, и никто на нее не смотрит. Никто ее не видит. А если где и соберется компания и кто-то вдруг заговорит, то ей, как вот сейчас, как вот всю жизнь, в разговор этот не вписаться.

Как-то в июне она с утра пришла в храм. Как всегда, первый час литургии она слушала благоговейно, потом отрешенный настрой проходил, и она начинала смотреть по сторонам. На людей смотреть. Думать: о чем бы каждый из них мог думать? Сокрушаться о своей жизни? Или благодарить за нее? За все хорошее, что в ней есть, что в ней было. И Паулина тут же начинала благодарить Бога за бабушку с ее цветами, за море, за короткое счастье с Грэггом, за более долгое счастье с Андреем Евгеньевичем... Потом снова смотрела на прихожан. На кого каждый из них более похож — на нее или на Елену? Слушает службу или думает свое? Так вглядывалась она в лица, пока не увидела случайно Андрея Евгеньевича. Стоял он рядом с женщиной, женой видимо. И держал за руку своего сына. Неужели в этом огромном городе бывают случайные встречи? Паулина сняла платок. Подошла к нему поближе. Так хотелось поймать его взгляд! Но он не замечал ее.

Тогда она вышла из храма. И больше туда не зашла.

* * *

Заплаканную Паулину обнаружила соседка Нина.

— Чего ты плачешь? Все же хорошо у тебя?.. Или нет, нехорошо? Расскажешь? Впрочем, ты ведь никогда не говоришь. Как ты вообще можешь так жить и не говорить?

— Я не умею, — рыдала Паулина.

— Надо учиться! Не умеешь говорить, никто тебя учить не будет. Я давно за тобой слежу. Ты какая-то пустая, повторяю какая-то: подсматриваешь за другими и копируешь. А надо свою жизнь жить! Понимаешь?

Паулина кивала, хотя как свою жизнь жить, она совсем не понимала.

— А я тебя научу. Тебе очень повезло, что ты со мной по соседству оказалась. А то так бы за Еленой все и повторяла.

— У тебя есть какая-нибудь мечта, Паулина?

Паулина усмехнулась. Мечта у нее сейчас была простая. Чтобы вон там, в храме, женой Андрея Евгеньевича была она.

— Примитивно-то как, подружка! Ты должна быть сама у себя! А не зависеть от каких-то Андреев Евгеньевичей и прочих мужиков. Ты вот на что живешь?.. А, без матери, пособие приходит... Ну, ничего, много кто без матери живет. Мужик бросил? Да ну их, мужиков этих! Надо быть сильной и самодостаточной.

Сильной и самодостаточной... Сильной и самодостаточной... Эхом эти слова отзвучивались в голове у Паулины, когда она мыла посуду в летнем кафе, вместо того чтобы на каникулы уехать домой.

Теперь она — взрослый человек, ходит на работу.

В городе лето. И как-то мучительно жарко. Центр города особенно нагрет. Но Паулине к жаре не привыкать. В жару она расцветает! Видел бы Андрей Евгеньевич, как бежит она бледной северной ночью домой в общагу, такая романтическая и одинокая.

Иногда она ходит на свидания. Но пока ни в кого не влюбляется. Страшно тяжело быть невлюбленной! Как будто все хорошо, но главного не хватает. Зато когда не любишь, тебя как будто больше ценят. Хотя по-прежнему не слышат.

Ей подарили цветы. Она ставит их в банку у себя на столе. Плачет оттого, что они не от *того*... Глупая Паулина!

Быть сильной и независимой. Сильной и независимой. Независимой и сильной.

В ее смену разбили несколько бокалов. Вычтут из зарплаты.

Купи уже себе вазу для цветов, Паулина! Ты ведь можешь себе это позволить.

Какую вазу, девушка? Без разницы. Лучше с высоким горлышком, чтобы стебли не подрезать.

А вон другое дело.

Паулина, Паулина! Ты давно не причащалась! Пойдем со мной.

Нет. Нет. Нет. Я сильная и независимая, без всяких церквей и мужчин.

Пошли на вечеринку?

Пошли.

Купи уже себе нормальное пальто. А то ходишь в этой драной куртке! Да, пора. Она ведь сильная и независимая.

И за сколько ты это купила? Двадцать тысяч. Да разве на твою зарплату можно себе такое позволить?

Парень купил. Говорит, мне очень идет.

Брать деньги у парня? Ты же сильная и независимая. Это шаг назад.

Просто твоей Нине никто пальто не купит. Поняла? Завидует.

Паша, Денис, Витя, снова Никита...

Сколько их пробежало?

После колледжа она живет у очередного парня.

Вдруг призраком из прошлого всплывает в соцсетях Света.

И вот они уже со Светой сидят вместе в ее новенькой квартире в кухне-гостиной. Квартиры у Светы всегда что надо. Хоть и добираться далеко.

— Помнишь, Паулина, школу? Помнишь Киру? Так и не увидели мы ее в клипе по «МузТВ»... Ох уж эти дети из неблагополучных семей!.. Может, у нее и был талант. Как там она? А впрочем, неинтересно... В детстве там, у нас в городе, я чувствовала себя королевой. Вот правда — королевой. И думала, что жить буду вечно. Ведь королевы не умирают... А теперь вроде да, живу хорошо, а все чего-то не хватает. Все-таки это все очень средненько... Квартира вон на задворках каких... Зато своя. Ты, кстати, где живешь? У парня, наверное... Лучше брать ипотеку, хоть за свое жилье платить будешь. Или лучше валить из этой страны. Тут возможности-то не очень. Я вот хочу в Европу. К настоящим замкам! А то у нас тут и замков нет. Может, там, в Европе почувствую себя королевой?

Света смеется. Паулина молчит.

— Брата моего, кстати, помнишь? Он скоро придет. Он через неделю уезжает на Кипр работать. У нас ему тесно.

Принц Игорь! Неужели она его увидит?

Паулина смотрит в окно. Четырнадцатый этаж огромного жилого комплекса. В небе пролетают птицы. Такая высота, а птицы все равно выше.

Какая же высота у птичьего полета? Спросить Свету? Но что за дурацкий вопрос? Можно загуглить самой.

А вот и принц Игорь появился.

Красиво, как в кино, обнимает Паулину. Приятный молодой мужчина, прическа как в голливудских фильмах у студентов пятидесятых годов... Все такой же принц.

— Да как живу? Хорошо... В науку, правда, не пошел. Семейный бизнес засосал. Скоро вот женюсь. — Показывает фото невесты. — А ты-то как? А, живешь тут. Ра-

боту ищешь... Ну понятно, — он меланхолично вздыхает. — Ну, удачи тогда. Ну, мне уже и идти надо, в общем. Рад повидаться.

Снова, как в кино, обнимает Паулину.

— А на какой высоте птицы летают? — вдруг спрашивает она.

— Это от птицы зависит... — на секунду оживляется принц Игорь. — Белый аист парит на высоте двух-трех тысяч метров... Но это белый аист... Жаль, я бизнесмен, а не орнитолог... Ну, я пошел.

— Изменился? Да? — хмыкает Света. — Я тоже думала — он ученым будет. Так бы гордилась братом-ученым... А так все обычно. Но ладно, скоро он все равно уедет в хорошую погоду...

После встречи со Светой на Паулину вновь нападает хандра.

— Просто ты увидела, как люди хорошо живут. По границам ездят... Но и ты так можешь. Нужно только в себя поверить. Я тоже раньше думала, что ничего не могу, что жить буду, как мои родители. Ни курортов, ни жизни яркой. Работа-дом-работа-дом всю жизнь. А вот нет! Живу теперь здесь, в самом красивом городе на свете! Ну, улыбнись же, Паулина! Нельзя быть такой грустной.

Нина после колледжа работать в школу не пошла. Пошла вышку получать по журналистике. Ее уверенность в себе настолько выросла, что она совсем перестала краснеть, сделала короткую стрижку и стала одеваться по-мужски.

— Главное — чтоб комфортно было. А что про это думают мужчины — мне плевать. Мне и без них хорошо.

А Паулине нехорошо. Паулине скучно.

— Давай работу ищи! — говорит ей очередной парень. — Совсем разленилась.

В школу пойти работать? Пошла. Сидит за столом, смотрит на класс и ничего сказать не может. Голоса своего боится.

— Сегодня мы поговорим о...

И все, класс шумит, ее не слышит.

Так и проходят уроки. До первой проверки. Потом она увольняется по собственному желанию.

Очередной парень устраивает ее работать в копицентр. Фотографировать и распечатывать. Можно обходиться почти без слов. С ним же обходится! Чем остальные хуже!

— Девушка, мне надо распечатать фотографии.

Паулина показывает ценник.

— Хорошо. Да, вот, пожалуйста, фото на холсте.

— А мне нужно на паспорт сфоткаться. Я куртку здесь повешу? Ага. А вот тут отфотошопьте немного. Спасибо! Сколько с меня? Ах, да, вот ценник.

Паулине кажется, она совсем разучилась говорить.

Нина тащит ее на собрание феминисток. У них будет лекция о женщинах-художницах в семнадцатом—восемнадцатом веках. В центре. Паулина пьет чай, слушает лектора, оставляет донейшен.

Потом приходит сюда снова, потом еще и еще. Потом тоже стрижется коротко. Перестает брить подмышки. От нее уходит очередной парень. И к черту его! Все равно он с ней не разговаривал! Использовал ее только как личную проститутку. Сделает свое дело и в телефон играть или видео на ютубе смотреть. Всегда такой шум от этого телефона. Ой, на фиг!

Теперь живет она у Нины. Точка с копицентром внезапно закрывается. Впереди новые поиски работы. Подруги-феминистки устроили ее натурщицей в художественную академию. Подмышки пришлось-таки побрить.

Очередная зима. Снова бесконечная. Хорошо, когда она снежная. А то вот как сейчас — одна серость да слякоть. Прямо как у них на юге. Сколько лет она уже там не была? Впрочем, хорошо, что не холодно, а только сыро. Когда холодно, и позировать холоднее.

Вот она голая сидит на высоком табурете. Акцент на груди. Повернись ягодицами. Час, два, три, четыре. В перерыве чай с печеньем. А в сумке настойка, она согревает надежней. Не спейся там, Паулина!

С Ниной жить непросто. Нина помешана на порядке, чем дальше, тем больше.

— Живешь у меня на всем готовеньком, а пол ни разу не помыла. Нет, все-таки как ты бездарно моешь пол! Лучше все самой делать! Все самой! Я же сильная и независимая!

Да, да, правильно, Нина. Ею и оставайся. А Паулина от тебя съезжает. Паулина нашла себе место поинтересней.

* * *

Теперь она живет в центре, в коммуналке. Ей почти бесплатно сдала комнату знакомая с условием, что она будет приглядывать за ее матерью в соседней комнате.

Мать у нее — настоящая старушка. Из дома уже не выходит. Но готовит сама и даже прибирается. Телевизор не смотрит: не слышит. А больше всего смотрит в окно на двор-колодец. Паулина иногда с ней рядом сядет — вместе смотрят. А там только машины меняются да сотрудницы магазинчика выходят покурить. Равнодушные мусорные баки то полны, то пусты. Со стен живописно облезает штукатурка. Зимой еще сосульки блестят под крышей.

Иногда старушка жизнь свою вспоминает. Говорит много, сбивчиво.

— А приехала я сюда лет в десять. Родителей перевели работать. А детство прошло — у... далеко! А здесь мне не нравилось сначала. Люди все, люди — одни очереди. Мы тогда жили на окраине... А сейчас это уже не окраина, сейчас там тоже почти центр — метро. А здесь мужнина семья жила... Не очень они мне рады были, конечно. И без меня тесно было... Это теперь пустые комнаты... Теперь вон предлагают расселиться, квартиру в новом районе, а я не хочу. Дайте, говорю, мне здесь помереть. Здесь ведь вся жизнь и прошла... Ох, плохо мы с мужем жили. Пил он... Характерами не сошлись... А дочку вот хорошую вырастили. Наташка у нас молодец — хваткая!

Потом посмотрит на Паулину.

— А тебе лет-то сколько? А... я думала еще только двадцать. Ладно, думаю, двадцать... Я в двадцать уж сына родила. А сейчас что-то время странное. Никто не женится, не выходит замуж. Женщины до пятидесяти лет как девочки выглядят... Двадцать сколько, говоришь? Ничего не слышу... Ох, ох... И все одна! Попроси хоть Наташку, пусть тебя с кем-нибудь познакомит.

Зачем Наташке с кем-то ее знакомить? Наташка ее с собой познакомила. И с мужем своим. Бывшим.

Хотя какая она ей Наташка! Наталья Владимировна! Художница, преподавательница, представитель богемы.

Иногда Паулина к ней приходит. Наталья Владимировна рисует ее. Говорит, ей нравится потерянная Паулина. Она как будто отражает вечное скитание человеческой души.

Наталья Владимировна рассказывает ей о художниках, о своих путешествиях, вообще о всей своей жизни. Как будто биографа из нее готовит! А Паулина только слушает, слушает и ничего не говорит. Да и говорить-то не хочется.

* * *

В комнате тесно. Под самый потолок уходит книжный шкаф. В углу письменный стол, а перед ним скрипучая тахта. Сейчас она скрипит особенно. Двое занимаются любовью. Женщине лет двадцать пять. Мужчине точный возраст мешает определить борода. Но лицо молодое вроде.

— Так что вам там преподают в семинарии? — после успешного завершения спрашивает женщина, ложится рядом, обнимает его.

— Сейчас вот апостола Павла проходим. Готовлю доклад по христианству Паулины... — мужчина целует ее левую грудь.

— Слово-то какое красивое... Правую не обижай!

Правая грудь поцелована.

— А если я забеременею?

— Это будут твои проблемы... — продолжает целовать.

— А как же я буду жить без тебя? Я же сгину...

— Сгинешь.

— А что будем с ребенком делать?

— Ничего. Главное — аборт не делай! Назовешь ее Паулиной в честь Павлова христианства. Бог позаботится о ней.

— Но я же сгину без тебя! Понимаешь? — голос ее меж тем легкий, смеющийся.

— Понимаю. Все сгинем. Мир вообще к концу идет.

— Скоро последние времена?

— Да, дорогая. Встретимся снова только в Царствии небесном. Где ни жениться, ни выходить замуж не будут... Будем с тобой как ангелы. Но пока мы здесь, — он ласкает ее все сильнее, — порадуемся тому, что есть здесь.

Тахта все скрипит и скрипит.

Какой глупый сон! Привет от Андрея Евгеньевича? Зажилась она здесь, видимо...

Паулина просыпается глубоко за полдень в чужой квартире. Скоро уже станет темно.

Да, эта праздная жизнь развращает. Пора проведать старушку.

Старушка сегодня не в духе. Капризничает.

— Пришла, натопала... Где всю ночь ошивалась?

Паулина молчит.

— И молчит, и все что-то скрывает. У-у-у какая!

— Да у дочери вашей была, у Натальи Владимировны, а потом еще где-то... — отвечает ей Паулина.

— Что, что? Ничего не слышу.

— У дочери вашей была, — говорит ей Паулина в самое ухо.

— А! У дочери! А я думала, ты немая. Молчишь да молчишь...

Комната погружается в сумерки. Короткий зимний день.

— А чего говорить? Кто меня слушает? У всех свои истории, — вдруг проговаривается она.

Старушка смотрит на нее раздраженно, морщится.

— А кого кто слышит? Никто никого не слышит.

Паулина смотрит в окно. Там одна глухота.

— Но ведь говорят же люди, говорят? Беседы ведут?

— Беседы? Все только себя выговаривают. Никто никого не слышит.

* * *

Пока Наталья Владимировна ищет, как лучше передать потерянную Паулины, Паулина находит себя с ее мужем Егором Александровичем. Для нее просто Егором. Как-то им обоим случилось успокаивать Наталью Владимировну после ее очередного срыва, на том и сблизилась.

— Увидел ее однажды в маленьком ресторанчике, как чашку с кофе она держала на коленях. Обнимала ладонями. Бережно так. Не на столе, именно на коленях. А сама она вся такая высокая, как будто жирафа, утомленная от своей длинноты. Я сразу влюбился в нее. Лет десять жили прекрасно, а потом она стала говорить, что я тут лишний, что ограничиваю ее свободу, мешаю творческому росту, творческому пути...

Егор хоть и бывший муж, но постоянно к Наталье Владимировне заходит. Есть у них ребенок, которого никто толком не видел. Проблемы у него какие-то. Когда Паулина приходит, ребенка в квартире нет.

В любви Егор предупредителен и нежен. Меньше бы рассказывал про свои чувства к бывшей жене... Впрочем, и это больше не ранит. Не хочется ей быть ни Натальей Владимировной, ни кем-то еще.

Пьют они изысканное вино. А под вино он ей про многие умные вещи рассказывает. Егор Владимирович — преподаватель философии в хорошем вузе.

— Вот ты понимаешь, Паулина, Антисфен, первый киник, был кем-то вроде Льва Толстого в свое время. В какой-то момент он стал презирать все, что ценил раньше. Он стал выступать на площадях, общаться с простыми людьми на понятном им языке. Быть может, это казнь Сократа так на него повлияла?

«Или он просто устал от философских софизмов... Хватит цитировать Бертрانا Рассела, лучше войди в меня», — думает Паулина. Умных книг и она прочитала немало.

— Я понимаю, Паулина, что ты хочешь чего-то большего от нашей связи. Но на большее я пока не готов.

«И я не готова», — говорит Паулина внутрь себя. А ему только улыбается устало.

Наталья Владимировна готовится к выставке, где будут в том числе презентованы и портреты Паулины. Выставка должна стать важным шагом в творчестве Натальи Владимировны.

А в городе уже который раз наступает весна.

Белый снег становится черным, скукоживается, нищим попрошайкой лежит на грязном асфальте. Еще пара недель — и на деревьях вздуются почки... Что там у них дома цветет? Она уже и не помнит... Уехала раз, и все... засосало.

Иногда она звонит бабушке. Бабушка берет трубку. И обе молчат. Только дыхание друг друга слушают.

Что, ничего нового дома, бабушка?

Ничего, внучка! Ты там еще не совсем пропала?

Пропасть-то пропала, но ведь все в мире пропали.

Это ты верно заметила, внучка. Приедешь когда? Увидимся?

Только с делами разберусь, обязательно приеду.

Это ты уже лет десять говоришь.

Неужели десять?

Да, внучка!

Но ты ведь без меня справляешься?

Да я без всех вообще справляюсь. Я такая.

Ну, молодец, бабушка. Так держать!
Помолчат в трубку, подумают свое, и все...

Паулина тоже ждет открытия выставки.

«Введем тебя в светское общество, дорогая!» — Наталья Владимировна ласково треплет ее по щеке.

Ах, надо ведь подумать, что тебе надеть. Ах, вон это платье! Черное, не маленькое черное, правда, но тоже хорошо. Твой рост как раз позволяет. Моя муза должна выглядеть не хуже меня! Ах, как тебе идет! Ну, давай покружись! Егор, правда, она хороша?

Паулина кружится, пританцовывает.

Как все это знакомо! Вроде и лет ей немного, а столько уже всего было!..

К открытию выставки город совсем преобразился. Вечер, а еще светло. Закат как будто обнадеживает, а не расстраивает...

— Ну, Егор, поухаживай за нашей дамой! — командует Наталья Владимировна.

Егор Александрович помогает ей снять пальто.

Галерея находится в бывшем дворце. Высокие окна, зеркала. Как будто она попала в сказку, из тех, что смотрела в детстве. И сама она — изысканная леди, почти принцесса. Видела бы ее бабушка!

Впрочем, радости от этого нет. Только усталость.

Паулина отражается в зеркалах. Паулина смотрит на свои портреты. Паулина повсюду. Вот Паулина сидит, зажав плечом телефонную трубку, ожидая звонка. От Бога? От любовника? От апостола Павла? Вот Паулина развешивает белье на веревке, оглядываясь на зрителя. Кто видит ее? Кому она нужна? Вот Паулина безнадежно курит на балконе. А вот она лежит в постели с мужчиной, который уткнулся в телефон. Много-много Паулины...

А это вас нарисовали? Прелестно!..

Вы почему одна? Пойдемте с нами!

Послушайте, такая история, вас позабавит...

Вы пробовали это шампанское? Настоящее шампанское, а не игристое вино, как теперь у нас везде пишат. Попробуйте!

Паулина смотрит на людей. Все вроде незнакомые люди, но все на кого-то похожи. Наталья Владимировна похожа на Свету. А вон стоит молодой и дерзкий музыкант, как похож он на Грэга! А вот и Никита-барабанщик ждет своего нового выступления...

Она ходит неприкаянно по галерее. И никто с ней не говорит. Пойти, что ли, покурить?

Проходя мимо будки охранника, она оглядывается на телевизор — уж не Кира ли там поет в клипе? Нет, кто-то на нее очень похожий...

Она вышла на улицу в одном платье.

— Паулина! Вы же замерзнете!

Неужели Андрей Евгеньевич?

Она оглядывается. И точно!

Пришел. Один на этот раз. Как вы постарели, Андрей Евгеньевич!

— Паулина, простите! Я был не прав. Я жестоко с вами обошелся. Впрочем, семейного счастья у меня не вышло. Паулина, — он берет ее за руку, — давайте попробуем все сначала!

Мечты сбываются! Но почему так невесело?!

Она вырывается, бежит по галерее.

Галерея все расширяется, расширяется. В окнах отражаются огни канделябров. Какой сейчас век?

А вот и начинается официальная часть!

Гости сходятся в зал. Изящная пианистка заставляет рояль рыдать. Рахманинов! Все, как любит Наталья Владимировна!

Потом начинаются поздравления! Председатель Союза художников, хозяйка галереи...

Паулине быстро становится скучно. Она смотрит по сторонам.

А что это за ребенок стоит и тычется в зеркало в углу? Это и есть сын Натальи Владимировны?

К нему подбегает няня, шепчет:

— Ах, Павел, ну перестань! Павел, успокойся. Это зеркало!

В ответ Павел мычит и продолжает смотреть в зеркало.

— Ах, не пугайтесь! Он не говорит, — поясняет няня. — Я говорила Наталье Владимировне, не стоит его брать с собой! Но она считает, что в такой день он тоже должен быть здесь.

— Эмммм, мммым, — ноет Павел.

— Ну что ты там находишь? Что? — вздыхает няня.

Паулина встает на колени. Вот они с Павлом уже одного роста. И тоже начинает тыкаться в зеркало.

— Давай говори, Павел! Что ты хочешь сказать! Говори нам всем! Эммм, мммым... — Она насильно поворачивает его к себе. Пытается обнять. — Говори со мной, говори...

— Что вы делаете? Вы же его пугаете! — няня в ужасе.

— Говори, Павел! — не обращает на нее внимания Паулина.

Павел смотрит на нее и мычит, мычит, а потом как заорет. И Паулина заорет. Бросится на пол, будет бить ногами и орать.

* * *

На дворе уже ночь, та самая, подслащенная южными травами. Скрипит родная калитка. А вот и бабушка идет навстречу.

Ну что, бабушка?

Приехала, гляди-ка! А ты прям совсем взрослая стала, внучка.

Да вот, бабушка... Сколько же мне лет.

Так уж под тридцать, мать... Надолго ты тут?

Навсегда, бабушка. Пока смерть не разлучит нас.

Ну, заговорила... Ты о жизни говори...

Вернулась! Жить будем...

Будем, будем...

И говорить будем! А то мы все молчим.

Так все молчат. Даже когда говорят, молчат. Всю жизнь бегают от своего молчания, а не убежишь ведь...

Экая ты пессимистка, бабушка!

Да я и не бабушка тебе вовсе. Смотри на небо внимательней...

Паулина смотрит в небо — а оттуда к ним летающая тарелка приближается. Приближается, приземляется, вся сверкающая, серебряного цвета. Опускается трап. Выходит к ним инопланетянин с голубой кожей. На вид как будто человек, а не человек ведь.

— Здравствуйте, Паулина! Вот и закончилась ваша земная жизнь. Межпланетная ассоциация благодарит вас за участие в эксперименте. Вы родились на планете Земля и прошли полное погружение в жизнь обитателя планеты Земля. Вы не знали, что за вами следят. Теперь нам понятен весь спектр эмоциональной и духовной жизни землян. Далее совет будет принимать решение, вступать ли нам в дальнейшую коммуникацию с ними или нет.

Паулина молчит. Паулина вспоминает что-то давнее, блестящее, серебристое, как летающая тарелка. Что-то было такое? Но когда? Еще до рождения?

— Понимаю, Паулина. Вам сложно теперь понять, кто вы. Но на Земле вам оставаться небезопасно. Слишком много плохих энергий измерили наши аппараты.

Она смотрит на бабушку.

— А мать как же?

— А мать все, давно уже. Слишком увлеклась экспериментом.

— А зовут меня Паулина?

— Паулина, Паулина, так мать твоя захотела. Последняя воля, так сказать.

— Паулина! Нам пора улетать.

— Но я только научилась говорить.

— Вот и выступите на межпланетной конференции с докладом о землянах. Расскажите о них все подробно... А мы уже примем решение о дальнейшей коммуникации.

— Да что с ними вступать в коммуникацию? Каждый все время только выговаривает себя, ищет себя в другом человеке. И все не может найти. И так всю человеческую жизнь.

— Понимаю, Паулина! Вы сильно эмоционально износились за годы эксперимента. Теперь вам предстоит долгая реабилитация...

— Зато какие слова говорить умеют... о любви, например!

— Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, не превозносится, не ищет своего... — вы это имели в виду? Благодаря вам теперь и мы получили это знание. И мы подумаем, как нам воспользоваться им.

— А никак! — Паулина грустно улыбается. — У землян вон не очень получается...

— Вы стали очень пессимистичны, Паулина!

— Я стала собой.

— Мы рады за вас, Паулина. Но пора возвращаться!

— На альфу Центавра?

— Куда пожелаете!

Паулина молчит, прислушивается к стрекоту цикад, к дальним звукам родного, но позабытого города.

— Никуда я не хочу улетать. Я только вернулась.

— Вы тут долго не протянете без нашей космической поддержки.

— До тридцати лет дотянула вот...

— Но вы были рядом с близким человеком.

— Последние десять лет не так уж и рядом...

— Очень жаль, Паулина! Когда мы вернемся в следующий раз, вы уже вряд ли будете живы.

— Что поделать?!

Бабушка обнимает Паулину на прощание. Поднимается на корабль. Он взлетает, уменьшается, теряя среди прочей россыпи звезд южного неба.